

Пословицы и поговорки как почва для зарождения философского афоризма Доромбекова А. О.

*Доромбекова Айнуур Осконбековна / Dorombekova Ainur Oskonbekovna - кандидат философских наук, и. о. доцента,
кафедра международных отношений и права,
Дипломатическая академия министерства иностранных дел Кыргызской Республики им. К. Дикамбаева,
г. Бишкек, Кыргызская Республика*

Аннотация: в статье рассматриваются пословицы и поговорки как одна из составляющих «фольклорного пласта», содержащая уникальную поэтику, множество емких смысловых формул, своеобразный накопитель народной мудрости, кристаллизирующийся в течение столетий и отражающий различные аспекты жизни многих поколений. Между тем пословицы и поговорки представляют большой интерес не как форма «естественного философствования», а как почва, на которой зародилась простейшая форма философского изобретения - афоризм.

Ключевые слова: *интертекстуальность, народная речь, прототипный, утилитарный, гносеологический.*

*Мысль дает бытию слово: в жилище языка обитает человек.
Мыслители и поэты – хранители этого жилища.
Г. В. Драч*

Пословицы и поговорки, являя собой компрессию социально-культурного опыта народов, представляют в распоряжение исследователей различных областей бесценный материал, они находятся в центре их изучения в силу неоднозначности своей природы, ведь с одной стороны, это самые краткие литературные формы, с другой - они являются языковыми знаками. Г. Л. Пермяков указывает на тройственную природу пословицы, выявляя в ней свойства единицы языка, логики (так как она выражает суждение) и литературного произведения (поскольку это художественная миниатюра). При подходе к пословице как к тексту можно обратить внимание на мотивы и цели использования пословичного высказывания, можно говорить об интертекстуальности. При употреблении образно мотивированной пословицы в речи/тексте происходит нарушение внешнего семантического согласования с остальным текстом, что не характерно для не клишированных предложений, утверждает В. В. Гвоздев [1, с. 12]. Пословицы и поговорки любого языка представляют собой продукт языкового народного сознания, материализуя опыт поколений и отдельных представителей данного народа. Если цитировать Э. Сепира, то «внутреннее содержание всех языков одно и то же – интуитивное знание опыта. Только их внешняя форма разнообразна до бесконечности, ибо эта форма, которую мы называем морфологией языка, не что иное, как коллективное искусство мышления...» [2, с. 193].

Составитель словаря русских пословиц и поговорок В. Даль писал следующее: «Пословица – это свод народной премудрости и суемудрие. Это стоны, вздохи, плачи и рыдания, радость и веселье, горе и утешение в лицах; это цвет народного ума, самобытной стати; это житейская правда, своего рода судебник, никем не судимый» [3, с. 7].

Левин Ю. И., учитывая, что пословицы – языковые единицы, которые могут быть отделены от ситуации использования и при этом сохраняют свое значение, и разграничивая понятия смысла и значения пословицы, указывает, что ее смысл в большей степени зависит от ситуации употребления, чем смысл слова. Значение же пословицы – это содержание, которое может быть передано с помощью метаязыка, без учета языковых и образных характеристик пословицы [4, с. 109].

В. Н. Телия писала: «Пословицы - мощный источник интерпретации, поскольку они и есть по традиции передаваемый из поколения в поколение язык веками сформировавшейся обыденной культуры, в котором в сентенционной форме отражены все категории и установки этой жизненной философии – носителя языка» [5, с. 241].

По мнению Л. Б. Савенковой, основная трудность определения понятия «пословица» заключается в общеупотребительности и одновременно - исторической многозначности этого слова в языке, а также в том, что пословица является объектом изучения в разных науках - фольклористике, поэтике, лингвистике, в которых научное внимание направлено на различные аспекты сущности пословицы, в результате чего ученые дают определения с различными наборами признаков [6, с. 56].

В. В. Гвоздев выделяет два типа значения пословицы – инвариантное и конкретно-ситуативное. Инвариантное значение формируется на основе ряда конкретно-ситуативных значений, конкретно-ситуативное является реализацией инвариантного значения в речевом акте [7, с. 4]. А. В. Бондарко рассматривает значение как план содержания языковых знаков, а смысл как текстовую функцию, как то, что имеется в виду. При одинаковом значении и обозначении смысл может быть разным [8, с. 53].

Если основываться на суждениях Н. Н. Амосовой, пословицы и поговорки – это притчи-миниатюры, к особенностям которых можно отнести следующее: функционирование в синтаксически замкнутом виде, при этом они выполняют функцию коммуникации, а не номинации; им не присуще целостное значение, они не входят в систему языка. Это автономные самоисчерпывающиеся и по структуре, и по смыслу предложения [9, с. 21]. Г. Л. Пермяков распределяет весь имеющийся в его распоряжении пословичный материал по логико-тематическим группам, анализируя особенности логической структуры пословиц, он объединил логико-тематические группы в более широкие классы, охватывающие все пословицы и поговорки, построенные по одной логической схеме. Он выделил четыре класса со следующими инвариантными структурными формулами [10, с. 19]:

- 1) Если одна вещь обладает каким-то свойством, то она обладает и другим свойством.
- 2) Если есть одна вещь, то есть и другая.
- 3) Если одна вещь связана с другой вещью и при этом обладает каким-то свойством, то и другая вещь обладает таким же свойством.
- 4) Если одна вещь обладает каким-то (положительным) свойством, а вторая не обладает им, то первая вещь предпочтительнее второй.

А. Н. Баранов и Д. О. Добровольский указывают на три специфические особенности пословиц [11, с. 12]:

- 1) идея всеобщности;
- 2) идея рекомендательности, совета (поведение себя определенным образом в определенной ситуации, которая может уходить на задний план, если эксплицитно выражена идея объяснения) и рекомендательность (следствие из значения и контекста);
- 3) рекомендательная и объяснительная сила пословиц основывается на общем знании, разделяемом всеми носителями данного языка, поэтому они культурно зависимы.

Таким образом, являясь особой формой существования языка и составной частью культуры народа, выражая стереотипы и нормы поведения людей, паремия как разновидность «лингвокультурных текстов» [12, с. 3] и служит надежным источником для проведения культурно-языковых исследований. Изучением и уточнением функций пословиц занимались Г. Д. Сидоркова и С. В. Сидорков, которые считают, что пословицы выступают чаще всего в виде особых классификаторов, подводящих некоторый коммуникативный фрагмент под определенную типовую ситуацию. В исследовании Г. Д. Сидорковой выделяются следующие прагматические функции пословиц [13, с. 134]: констативная функция; регулятивная, направленная на регуляцию поведения; экспрессивная, направленная на выражение эмоционально-экспрессивной реакции; метаязыковая, целью которой является оценка информации с точки зрения ее достоверности.

Так, благодаря своей кумулятивной функции, они воспринимаются не только как формулы народной мудрости и универсальные заключения, выводы и суждения, но и как некий неписанный закон, приложимый ко всем людям. Норма поведения предполагает определенную нормативную ситуацию, которая включает несколько типов участников, объект оценки и его идеальный (нормативный) прототип, нормативный модус и мотивацию [14, с. 26].

Нормы поведения, выводимые из пословиц, В. И. Карасик группирует в следующие классы:

- нормы взаимодействия (Кто вправду горой, тот истинный герой);
- нормы жизнеобеспечения (Правда в воде не тонет и в огне не горит);
- нормы контакта (Не рой другому яму, сам в нее попадешь);
- нормы ответственности (Любишь кататься, люби и саночки возить);
- нормы контроля (Не бей Фому за Еремину вину);
- нормы реализма (Бог правду видит, да не скоро скажет);
- нормы безопасности (Правда, как оса, лезет в глаза);
- нормы благоразумия (В здоровом теле - здоровый дух).

Мы видим, что первые пять групп являются этическими и нормами поведения: критике подвергается тот, кто проявляет недостаток морального качества. Нарушение норм взаимодействия, наиболее важных для общества, подрывает самые глубинные основания общественного устройства, поэтому предателей и трусов презирают. Эти нормы часто фиксируются и в юридических кодексах. Нормы жизнеобеспечения относятся к этическим нормам, хотя лентяи, неряхи, паникеры причиняют вред не только окружающим, но и самим себе. Нормы контакта, ответственности и контроля уточняют этические правила поведения в общении, адекватной самооценке и руководстве людьми. Эти нормы осуждают лжецов, болтунов, нахалов, упрямых и беспечных людей, несправедливых и некомпетентных руководителей. Оставшиеся три группы – нормы реализма, безопасности и благоразумия – В. И. Карасик относит к числу утилитарных. Нарушитель утилитарных норм причиняет вред прежде всего себе. Утилитарные нормы допускают двустороннее измерение, осуждению подвергается как слишком малая, так и слишком большая степень качества: следует быть осторожным, и не следует быть как чересчур осторожным (это граничит с трусостью), так и недостаточно осторожным (это безрассудство). Отметим, что недостаточное

проявление качества осуждается с утилитарных позиций, а избыточное проявление этого же качества – с моральных [14]. Важно заметить, что в аспекте своего функционирования пословицы и поговорки принципиально отличны от предложений, несмотря на то, что формально выступают в виде предложений. Гильберт Райл видит одно из отличий слова от предложения в том, что предложение не является определенным по своему употреблению. «Мы можем спросить, знает ли какой-то человек, как следует и как не следует употреблять определенное слово. Но мы не можем спросить, знает ли он, как употреблять определенное предложение. Предложение не имеет роли, которую оно могло бы снова и снова исполнять в разных пьесах. Оно вообще не имеет никакой роли, если только не предполагать, будто пьеса тоже играет какую-то роль. Знать, что оно означает, не значит знать нечто вроде кодекса или совокупности правил, хотя оно и требует знания кодексов или правил, которые управляют употреблением составляющих его слов или фраз» [15, с. 166].

Пословицы имеют обобщенное и переносное значение. Обобщенным значением обладают и пословицы с прямой мотивацией значения, а не только образно мотивированные пословицы. Переносное значение слов – компонентов паремии может участвовать в создании вполне конкретного значения как в поговорке «Зуб на зуб не попадает». Прямое же значение слова может участвовать в создании обобщенного значения пословицы, например: «Спорили мыши за лобное место, где будут ката хоронить». Подробное объяснение к понятию «обобщенное значение пословиц» приводит в своих работах З. К. Тарланов, который выделяет два главных признака обобщенного значения пословицы [16, с. 44]:

1. Отсутствие в предложении конкретного лица, осуществляющего действие, при наличии действия.

1. Отсутствие в пословице указания на конкретное время действия. Эти особенности являются следствием синтаксических свойств пословиц, которые строятся по определенным синтаксическим моделям с использованием лексики, не конкретизирующей время и лицо, а, наоборот, позволяющей строить высказывания «обо всех» и «всегда».

Пословицы демонстрируют огромное множество, из которых не выстраивается истина, если понимать ее философски, т. е., собственно, понимать. Причина этой гносеологической несостоятельности пословиц в том, что истина противоречива, а фольклор позволяет лишь указывать на противоречия, но не оперировать ими. Иными словами, вместо диалектики народная словесность пользуется простейшим видом формальной логики – здравым смыслом, сущность которого заключается в неукоснительном соблюдении приоритета витальных или психико-телесных (преимущественно житейских, повседневных) ценностей над познавательными. Запечатленные в пословицах противоречия не поднимаются до философского уровня, которому соответствует категория универсального. Они локальны по смыслу и ограничены рамками общего. Поэтому гносеологически наиболее значимыми являются те пословицы, в которых обобщение усилено сближением противоположностей, и постижение закономерностей предпочтено констатации фактов: «От любви до ненависти – один шаг», «Не тот живет больше, чей век дольше», «Не ищи в селе, а ищи в себе», «Не вкусив горького, не узнаешь и сладкого» и др. Однако гносеологическая ценность этих пословиц не слишком велика, так как представленные в них противоречивые явления не настолько абстрактны, чтобы быть универсальными.

Между тем пословицы и поговорки представляют большой интерес не как форма «естественного философствования», а как почва, на которой зародилась простейшая форма философского изобретения – афоризм. Центр тяжести в пословицах лежит не в теоретическом, познавательном содержании, а в ее отношении к практическим интересам жизни. Превращение пословицы в философский афоризм осуществляется тогда, когда центр тяжести в духовных интересах перемещается из области практической в область теоретическую.

Литература

1. *Гвоздев В. В.* Место пословиц как структурно-семантических образований в языке: автореф. дис. канд. филол. наук. – М., 1983. – С. 12-13.
2. *Сепир Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии [Текст]: научное издание / Э. Сепир; пер. с англ., под ред. А. Е. Кибрика - М.: Прогресс, 2001. - С. 193.
3. *Даль В. И.* Пословицы русского народа. В 2 т. М.: Художественная литература. 1984, С. 7.
4. *Левин Ю. И.* Провербиальное пространство // Паремииологические исследования. Сб. статей. – М.: Наука, 1984. – С. 109.
5. *Телия В. Н.* Фактор культуры и воспроизводимость фразеологизмов – знаков-микротекстов // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 241.
6. *Савенкова Л. Б.* Русская паремииология: семантический и лингвокультурологический аспекты. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростов, унта. 1996. - С. 56.
7. *Гвоздев В. В.* Место пословиц как структурно-семантических образований в языке: автореф. Дис ... канд. филол. наук. – М., 1983. – С. 4-7.

8. *Бондарко А. В.* Функциональная грамматика // Большой энциклопедический словарь: Языкознание. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – С. 53.
9. *Амосова Н. Н.* Основы английской фразеологии. – Л., 1963. – С. 21.
10. *Пермяков Г. Л.* О смысловой структуре и соответствующей классификации пословичных изречений // Паремнологический сборник. Пословица. Загадка. (Структура, смысл, текст). – М.: Наука, 1978. – С. 19.
11. *Баранов А. Н., Добровольский Д. О.* Постулаты когнитивной лингвистики // Изв. АН СССР. – Сер. лит. и языка. – Т. 56. – № 1. – М.: Изд. Академии РАН, 1997.
12. *Дмитриева О. А.* Культурно–языковые характеристики пословиц и афоризмов: Автореф. Дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1997. - С. 3.
13. *Сидоркова Г. Д.* Прагматика паремий: пословицы и поговорки как речевые действия: монография. – Краснодар: КГУ, 1999. - С. 134.
14. *Карасик В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: Гнозис, 2004. – С. 26.
15. *Райл Г.* Понятие сознания. Пер. с англ. – М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. - С. 166-167.
16. *Тарланов, З. К.* Русские пословицы: синтаксис и поэтика / З. К. Тарланов. - Петрозаводск: Изд-во Петрозавод. ун-та, 1999. - С. 44.